

Б.Ф.Мартынов

Бразилия и Россия: основы и некоторые перспективы правового взаимодействия в рамках BRICS

В статье приводятся аргументы в пользу нахождения общих теоретических и исторических основ взаимодействия России и Бразилии как участников BRICS (Brazil, Russia, India, China, South Africa) в области международного права в условиях усиления элемента непредсказуемости в мировой политике.

Ключевые слова: международное право, российско-бразильские отношения, новая глобальная законность.

Идея многополярного мира начала становиться стратегическим направлением внешней политики России начиная с середины 90-х годов*. В Концепции внешней политики Российской Федерации 2000 г. было заявлено положение, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов». «Гарантия эффективности и надежности такого мироустройства, — говорилось далее, — взаимный учет интересов. Мировой порядок XXI в. должен основываться на механизмах коллективного решения ключевых проблем, на приоритете права и широкой демократизации международных отношений»¹.

Б.Ф. Мартынов — доктор политических наук, профессор, заместитель директора ИЛА РАН (b.martynov@mtu-net.ru)

* Мы склонны согласиться с мнением российского ученого А.Д.Богатурова о том, что однополярный мир существовал около десяти лет — с подписания в июне 1992 г. в Вашингтоне Хартии российско-американского партнерства и дружбы до начала войны в Ираке в 2003 г. Это совпадает с выводом, сделанном в документе «Обзор внешней политики Российской Федерации» от 2007 г., о том, что «миф об однополярном мире окончательно рухнул в Ираке» (<http://www.mid.ru/brp4.nsf/sps/690A2BAF968B1FA4>). Первыми практическими шагами России в сторону установления многополярности можно считать латиноамериканское турне в 1997 г. тогдашнего министра иностранных дел РФ Е.М.Примакова, в ходе которого им был подписан ряд документов о «стратегическом партнерстве» с некоторыми ведущими государствами этого региона.

Считая «нарождающуюся многополярность» одной из «фундаментальных тенденций развития», Концепция внешней политики Российской Федерации в редакции 2008 г. констатировала «объективное повышение роли многосторонней дипломатии, международных институтов и механизмов в мировой политике и экономике, вызванное усилением взаимозависимости государств, необходимостью повышения управляемости мирового развития». Она подтверждала стремление России «продолжать добиваться укрепления многосторонних начал в мировых делах, формирования такой архитектуры международных отношений, которая основывалась бы на признании международным сообществом принципов неделимости безопасности в современном мире и отражала бы его многоликость». При этом в качестве цели намечалось установление «справедливого и демократического миропорядка, основанного на коллективных началах в решении международных проблем и на верховенстве международного права»².

В документе было резонно замечено, что отстаивание «полицентричного (многополярного) мира без уяснения особенностей такой системы, ее преимуществ и изъянов как для мира в целом, так и для отдельных крупных держав, без достижения консенсуса между ведущими мировыми державами относительно того, как будет осуществляться коллективное управление, без признания всеми участниками необходимости согласованного взаимодействия и разумной конкуренции не позволит достичь успеха»³. Сложность задачи обуславливается еще и тем, что при часто констатируемой общности взглядов, существующих у России и целого ряда других стран на необходимость установления многополярной системы, такая общность не исключает нюансов, связанных со спецификой цивилизационного, исторического и социально-политического развития. По мере неизбежного усложнения отношений в рамках формирующегося миропорядка эти нюансы, очевидно, могут либо нивелироваться, либо превращаться в противоречия. Чтобы попытаться это понять, надо рассмотреть проблему в ретроспективе.

Несмотря на «почти научный», по мнению известного американского дипломата Джорджа Ф.Кеннана, характер того «классического» баланса сил, который был обязан своим происхождением Отто фон Бисмарку, достаточно было одного выстрела в Сараево, чтобы долго накапливавшиеся противоречия между участниками системы вырвались наружу, а вся система «сдержек и противовесов» обрушилась. В наши дни неспособность той «многополярности» предотвратить скатывание мира к всеобщей войне является чуть ли не главным аргументом тех (Збигнев Бжезинский, Чарльз Краутхаммер, Роберт Кохейн и др.), кто в «благожелательном гегемонизме» одного, самого сильного участника системы, либо в биполярном «разделении ответственности» за мир двух самых сильных держав (Кеннет Нил Уолтц, Джон Миршеймер) видят залог глобальной стабильности. «Многополюсный мир был очень стабильным, — писал в 1993 г. К. Уолтц, но одновременно и слишком предрасположенным к войнам»⁴.

Мы же считаем, что хотя в «систему Бисмарка» и входили разные страны с порой полярными государственными интересами, все они (включая Россию и даже Японию) *de facto* принадлежали только к одной — западной цивилизации, и использовали одни и те же методы «жесткой силы» («hard power» по терминологии Джозефа Ная) для обеспечения своего восхождения в мировой «табели о рангах». Конкурируя и даже враждуя друг с другом, они выступали, как правило, единым фронтом в отношениях с не-

оформившимися, недостаточно оформившимися или откровенно слабыми в государственно-правовом, экономическом и военно-политическом плане «не-западными» цивилизациями — Китаем, Индией, странами Африки и большинством государств Латинской Америки. Международное право тех лет носило при этом «очаговый», европейски ориентированный характер, существуя лишь как право «цивилизованных народов», что *ipso facto* обрекало так называемые нецивилизованные народы быть пассивными объектами «приложения сил» и изгоями мировой политики.

Ситуация в мире оставалась *de facto* однополярной и в период между двумя мировыми войнами: с точки зрения сохранения господства в мире *практически все того же* конгломерата «великих держав» с одним и тем же воинственным менталитетом и соответствующим ему правосознанием (при этом тоталитарные режимы в большей степени, чем все другие, исповедовали материализм и культ силы в политике); и с точки зрения дальнейшей *релятивизации* международного права (МП) и эрозии его основополагающих принципов в угоду политическим интересам. В результате (закономерно!) ситуация окончилась Второй мировой войной. Одновременно ею был обозначен *предел возможностей одностороннего воздействия цивилизации «коллективного Запада» на глобальную общественно-политическую и природную среду, в связи с чем обозначились элементы системного кризиса этой цивилизации*. Первым признаком стало сужение сферы ее глобального влияния с постепенной автономизацией и началом восстановления былого значения древних цивилизаций — китайской, индийской и исламской. На фоне «биполярного» мироустройства начали формироваться и новые цивилизации — латиноамериканская и африканская.

Однако и «классическая биполярность» не смогла стать гарантией всеобщего мира, хотя бы потому, что в годы холодной войны в региональных конфликтах погибли свыше 20 млн человек, а новой всеобщей и, скорее всего, окончательной катастрофе человечества помешали лишь фактор *страха* (атомная бомба) и *Его Величество Случай* («Карибский кризис», октябрь 1962 г.).

Практические результаты попытки установления «благожелательного гегемонизма» одной сверхдержавы — США — к началу нового столетия оказались плачевны настолько, что даже Роберт Кейган, один из главных конструкторов неоконсервативного дискурса, вынужден был признать: «Сегодняшний мир больше напоминает XIX столетие, нежели конец XX в. Те, кто считает это хорошей новостью, должны вспомнить, что XIX столетие не окончилось так благополучно, как эпоха холодной войны»⁵. Пафос произошедшего заключался в том, что, претендуя на роль глобального лидера, США оказались *физически и морально не способны нести бремя такого лидерства*. «Современный мир испытывает острый дефицит авторитета в условиях падения морально-политического и даже военного влияния мировой сверхдержавы, ослабления международных организаций и умаления суверенитета государства как такового», — отметил в 2007 г. журнал «The Economist»⁶.

Наступивший вскоре *структурный кризис «коллективного Запада»* продемонстрировал предел возможностей *моноцивилизационной модели* для решения проблем глобального регулирования. Дело не только в том, что *существование эксклюзивного центра системы заранее исключает необходимость равновесных правовых отношений между ее участниками и автоматически сводит все к знаменателю силы*. Восприятие такой спе-

цифической отрасли права, как международное, представителями цивилизации Запада, прежде всего ее англосаксонской ветви, и основанная на этом восприятии правоприменительная практика не могут создать надежных гарантий для формирования мирового порядка. С этой точки зрения беремся утверждать, что **подлинного мирового порядка как основанной на юридически обязывающих договорных нормах глобальной системы отношений, которая могла бы с высокой долей вероятности исключить войны и конфликты из практики межгосударственного общения, в истории человечества до сих пор пока не существовало.**

Сила не нуждается в праве. Это наблюдение очевидно на примере однополюсного мира, существующего «по понятиям» главного игрока системы. Но применимо оно и к биполярности, где каждый из двух «равноответственных» акторов стремится к обеспечению «свободы рук» в своей зоне влияния, невзирая ни на какое право. Последнее ими используется, но, как правило, не по прямому назначению, а для дискредитации соперника в глобальной игре с «нулевой суммой». Однако для взаимодействия нескольких крупных игроков, обладающих примерно сопоставимой мощностью и влиянием, право необходимо *per se* хотя бы для того, чтобы обеспечивать между ними разумный *modus operandi*.

В реальности, однако, дело обстоит сложнее. Во-первых, само право может быть так переиначено под чьи-то «интересы», что на практике исчезнет всякая разница между законом и беззаконием. Наконец, культурно и цивилизационно обусловленное расхождение между правовой нормой и господствующим в обществе правосознанием и, соответственно, правоприменительной практикой само по себе может существенно изменять правовую норму или даже лишать ее регулятивной функции. То есть эффективность правоприменения зависит от того, насколько сами люди готовы исполнять правовую норму (уровень правовой культуры — правосознание) и одновременно — насколько сама эта норма отвечает их материальным и духовным запросам (уровень общей культуры и ее национальная специфика).

Отсюда очевидна и та поистине решающая роль, которая принадлежит уважению к МП, в основу которого закладываются важнейшие компоненты цивилизационного развития: религия, культура и основанное на них национальное правосознание. Тем более это применимо к нашим дням, когда морально-этическая сторона дела (например, вопросы обеспечения прав человека) явно берет верх над правовыми схемами, которые еще будут претерпевать изменения, отражающие подвижки в человеческом правосознании. Истина в том, что все существующие в мире правовые системы (и соответствующее им правосознание) глубоко укоренены в национальной почве и по-разному приспособлены к реагированию на существующую реальность. От того, насколько в том или ином социуме исторически и цивилизационно распространено уважение к МП, очевидно, будет зависеть и готовность социума считать МП демиургом глобального развития.

Сегодня согласие сторон по констатирующей части какой-либо общей глобальной проблемы (например: «терроризм — это зло», «с пиратством нужно бороться» и т.д.) еще не гарантирует согласия в выборе средств и методов противодействия ей. В то время как одни готовы заниматься разработкой нормы, способной дать долгосрочное юридическое решение, другие пытаются рассматривать проблему сквозь призму политических инте-

ресов, «подверстывая» под них правовую норму. Согласие с тем, что с разползанием ядерного оружия необходимо бороться, не гарантирует, например, что одни будут делать это «невзирая на лица», а другие — в значительной мере условно, в зависимости от своих текущих предпочтений. Отсюда вытекает важность нахождения первоочередного взаимодействия между теми глобальными игроками, отношение которых к МП можно квалифицировать, по крайней мере, как уважительное.

Наблюдающиеся сегодня различия в отношении к МП и к практике его применения со стороны основных глобальных цивилизаций в основном основываются на различиях между двумя основными правовыми системами современности: континентальной (романо-германской) и прецедентной англосаксонской (иначе — «Common Law»). Философия прагматизма, заложенная в основу последней, придает ей дополнительные динамизм и лучшую адаптированность к реальности, что позитивно сказывается на логике хозяйственной жизни, обеспечении материально-технического прогресса и поддержании внутривнутриполитических балансов сил. Сильная же сторона романо-германской системы, воплощенной в писаной норме и жестких кодексах, состоит в том, что закон нельзя отменить в одночасье, «оперативно» создав на его месте отвечающий «злобе дня» прецедент. В первую очередь это относится, опять-таки, к МП.

Корни континентального европейского правосознания, в отличие от англосаксонского, залегают при этом гораздо *глубже*. Наверное, можно согласиться с Мартой Финнемор и другими авторами, которые полагают, что «протестантизм стал господствовать в Европе не только через познание и убеждение, как показали века религиозных войн. Западная культура — не без основания полагали они, — возможно, выглядит так в результате трех веков англо-американского господства и власти над Западом; господства, которое закреплялось через повторяющиеся военные победы над Францией»⁷, и, добавим от себя, — над Испанией в XVI в. и над Германией — в веке двадцатом.

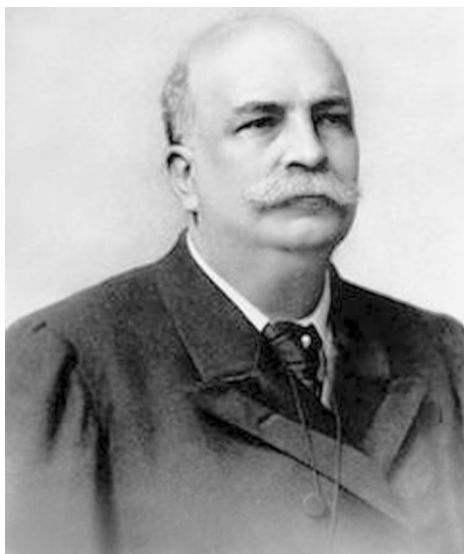
На наш взгляд, с этой точки зрения внутри самой западной цивилизации можно обнаружить наличие, как минимум, *двух самостоятельных ветвей*: англосаксонской, протестантской, и *иберо-католической, латинской*, в составе стран Латинской Америки и католических государств «старой» Европы — Испании, Италии, Франции и Португалии. К последним по историческим и политическим соображениям близко примыкают страны «кодифицированного права» — Россия, Китай и некоторые африканские и азиатские государства — бывшие колонии европейских католических держав. Добавим, что такое деление не просто соответствует видимым уже невооруженным глазом экономическим, культурным и прочим различиям внутри Евросоюза. Оно отражает очевидные *различия в правосознании и в правоприменительной практике европейцев как таковых*. При этом характерно, что начавшаяся констатация происходящего обособления континентального правосознания от англосаксонского, которая уже появилась в западной и российской литературе, связывается, в первую очередь, именно со сферой международного права*.

* О.Карпович в статье «Современные подходы США и Европейского союза к управлению международными конфликтами» выделяет как минимум четыре различные культурно-цивилизационные формы психологического разрешения конфликтов: «англо-саксонскую, восточно-азиатскую, западно-европейскую и ближневосточную». — «Право и безопасность», 2011, № 3—4. К сожалению, автор цитируемого текста «забыл» упомянуть в числе перечисленных «латиноамериканскую». — Б.М.

Сегодня, в условиях усиления анархичности и непредсказуемости мировой политики остро стоит вопрос о выживании МП именно как «права», а не как инструмента по обслуживанию чьих-то постоянно меняющихся интересов. В 1999 г. бомбардировки Югославии авиацией США и их союзников по НАТО стали рассматриваться некоторыми американскими и английскими юристами в качестве «прецедента», который оправдывал бы возможность применения силы «в особых случаях» даже без санкции ООН. Однако *подход к МП на прецедентной основе с философией, которая постулирует в качестве первоочередной цели достижение «нужного» результата в кратчайшие сроки, неизбежно приводит к искушению создания виртуального «судьи» в лице одного государства и, таким образом, — к подмене МП внутренним правом и конструированию «однополярного» мира.* С этой точки зрения и доктрину «превентивного удара» (preemptive action), закрепленную в нескольких стратегиях национальной безопасности США, и попытки обеспечения Соединенными Штатами для себя «абсолютной безопасности» в ряде районов земного шара, и многое другое следовало бы рассматривать не как плод каких-то «исключительных обстоятельств», а как *цивилизационно- и исторически обусловленную попытку создать и закрепить новые «прецеденты» в МП.* Можно предположить, что и сам принцип произвольного толкования МП Соединенными Штатами также вскоре может быть превращен в такой «прецедент».

Американский дипломат Джордж Ф.Кеннан, посетивший в 1950 г. Латинскую Америку, пришел в ужас от бедности, социального неравенства, засилья бюрократии, коррупции, преступности и других известных социальных болезней стран этого региона. В то же время он писал: «Отмеченные мною трагические элементы латиноамериканской цивилизации вселили в меня убежденность в лучшем будущем человечества, хотя это и может показаться странным. Я уверен, что характерные для Латинской Америки спонтанность, несдержанность и горлодерство проявляются у европейцев и англосаксов, но, видимо, только в более замаскированном и извращенном виде. В то же время Латинская Америка — это единственный в мире континент, где человек остался человеческим существом, где нет ядерного оружия, и никто не думает о его разработке, где сохранился огромный запас заповедей, познаний и обычаев, выпестованных в христианском мире и направленных на единение человека с Богом и создание цивилизованных условий существования. Этот континент окажется однажды последним хранилищем и депозитарием христианских ценностей, которые на европейской прародине и в Северной Америке в результате пресыщения, заорганизованности и ослепления страхом и амбициями оказались выброшены на свалку»⁸. Слова, сказанные американским дипломатом 63 года назад, актуальны и сегодня, поскольку *уважение к международному праву* в странах этого региона всегда было на высоте.

Корни ибероамериканского правосознания — что вполне естественно — следует искать в религии и культуре Испании и Португалии. Однако именно в Латинской Америке католическая религия, культура и основанное на них правосознание сохранились до наших дней в наиболее «чистом» виде. Неудивительно, ведь большую часть своей истории эти страны пребывали на периферии мировой географии, истории, экономики и политики, начав

Жозе Мариа да Силва, барон де Рио-Бранко

активно участвовать в глобальных процессах лишь где-то с 70-х годов прошлого века, т.е. после того, как под влиянием кубинской революции стали происходить серьезные сдвиги в национальном самосознании латиноамериканских народов.

В основе *ибероамериканского правосознания* лежит преломление классического римского права через христианские принципы справедливости, морали и нравственности, которые разрабатывались в доктринах средневековых юристов. Все они восходили к Абсолюту, Божественному Откровению и т.д. Судья в этой системе может лишь *толковать* правовую норму, но *не создавать новую*, поэтому к ней вполне применимо латинское изречение «*Non exemplis, sed legibus, judicandum est*» («*Не конкретные примеры, а законы имеют юридическую силу*»). Внести изменения в закон, отменить его или создать новый — процесс трудоемкий и подчас затратный. Недостатком является меньшая гибкость правовой нормы и, как следствие, — ее меньшая адаптированность к меняющейся среде. Отсюда во многом проистекают и такие явления, как «правовой релятивизм» и даже «правовой нигилизм», свойственные некоторым относящимся к этой системе странам. Жесткость писаного закона часто подталкивала людей к тому, чтобы обойти его, и, порой, не совсем праведным путем (как, например, и у нас в России, где «жесткость закона компенсируется необязательностью его исполнения»). Однако при всех недостатках романо-германской правовой системы вообще и ее «ибероамериканского подвида» в частности, ее достоинство состоит в том, что *норму права нельзя отменить в одночасье, с беспримерной легкостью создав на его месте отвечающий «злобе дня» прецедент*. В первую очередь это относится опять-таки к МП.

Очень многое в писаниях испанских юристов раннего нового времени — «отцов» науки о международном праве — Франсиско де Витория и Франсиско Суареса перекликается с международно-правовой доктриной ведущих латиноамериканских стран, выступающих против такой глобализации, которая «ущемляет суверенитет государства и размывает его национально-культурную идентичность»⁹. Оттуда берет начало и традиционная вера латиноамериканцев в силу и возможности *государства* в лице сначала церкви, потом — военных и разного рода «харизматических» лидеров. Оттуда же и не менее традиционная популярность «левых», государственных по своей сути, идей. На формирование латиноамериканской международно-правовой специфики к тому же веками оказывала воздействие повседневная реальность: экономическая отсталость и бедность, социальное неравенство, внутривластная нестабильность, борьба с гегемонией «великих».

«Генералиссимус Америки» XIX в. — *Симон Боливар* — стал удивительно популярен в наши дни и не только в Венесуэле. Он отвергал всякие попытки автоматического переноса в конкретную цивилизационно-культурную среду чуждых культурно-поведенческих стереотипов и тем более стремление навязывать их извне. Задолго до Фрэнсиса Фукуямы, Сэмюэла Хантингтона и других современных ученых он постулировал необходимость *предварительного наличия сильной государственной власти* как гарантии жизнеспособности демократического государственного устройства и проведения им независимой внешней политики. При этом «Освободитель» был далек от «юридического романтизма» и не критичного взгляда на природу человека, как бы возвращая, тем самым, в лоно политико-юридического дискурса понятие «первородного греха». «Несомненно, достойны похвалы люди, все устремления которых направлены на создание законных институтов и к социальному совершенству, но можно ли утверждать, что люди уже достигли вершин мудрости, что они обладают всеми добродетелями, что их жизненной потребностью является слияние власти и правосудия?»¹⁰. На этом основании у С.Боливара возникла мысль, достойная стать основой внешнеполитической доктрины любого современного государства: *«наименьшее зло является наибольшим благом»*.

Недостатка в парадигматических изречениях и практических действиях, характеризующих специфику международно-правового менталитета латиноамериканцев, с тех пор не наблюдалось. Стоит вспомнить слова президента Мексики Бенито Хуареса (1806—1872 гг.): «Мир — это уважение права другого» и менее известные — министра иностранных дел Бразилии в 1902—1912 гг. Жозе Марии да Силвы, барона де Рио-Бранко: «Война — наименее достойный выход из ситуации». Но и на деле историю Латинской Америки, в отличие от истории всех остальных районов нашей планеты, можно определить как *историю правового разрешения внутрирегиональных споров и противоречий, нахождения правовых барьеров против вмешательства извне и подготовки условий для регионального единства*, ибо подавляющее большинство «войн», которые велись латиноамериканскими странами между собой в прошлом и позапрошлом веках, при всей их, подчас, жестокости и антигуманности (а бывают ли вообще «гуманные» войны?) не может идти ни в какое сравнение с европейскими. Между политикой и войной латиноамериканские государства *традиционно выстраивали гораздо больше правовых барьеров, чем европейские*.

Что касается Бразилии, граничащей со всеми странами Южной Америки, кроме Чили и Эквадора, то она в период 1898—1909 гг. *мирным путем* решила все свои территориальные споры, создав уникальный в своем роде прецедент. «Разрешение» территориальных споров между европейскими государствами в тот период шло, как известно, по совершенно иному пути. *Право и здравый смысл* в начале XX в. позволили бразильцам *не довести* геополитическое противостояние, основанное на аргентинско-бразильско-чилийском соперничестве, до «большой войны» в Южной Америке, в отличие, опять-таки, от «цивилизованной» Европы. А в разгар Второй мировой Бразилия не воспользовалась «историческим шансом» военным путем разгромить извечную соперницу — Аргентину, несмотря на обещание поддержки со стороны авиации и флота США.

На сегодняшний день Бразилию можно считать неформальным центром находящейся в процессе становления латиноамериканской цивилизации

многополярного мира. Но она — еще и первая буква в акрониме BRICS . Какой вклад способна внести страна в развитие этой структуры, находящейся в процессе становления, а, «заодно» и в процесс формирования нарождающегося мирового порядка?

Ведущие бразильские юристы-международники (Жозе де Бритту Мело, Висенте Маротта, Пауло Борба Казелла и др.) склонны объяснять особый вклад Бразилии в развитие МП существованием специфической *лузо-бразильской культуры компромисса*, основы которой были заложены в писаниях монаха-иезуита о. Жозе де Аншиета (1534— 1597). Этот «Апостол Бразилии», возведенный в ранг святого Папой Иоанном Павлом II в 1980 г., считается основателем собственной школы гуманитарных наук и автором многих новых идей, в частности в области права. Особая «культура компромисса» позволила Бразилии обеспечить мирное освобождение от владычества Португалии, отмену рабства и переход от монархии к республике. Она же помогла ей существенно «сгладить» последствия внутривнутриполитических потрясений в XX в.

Сердцевиной бразильской доктрины МП можно считать признание невозможности изменить международно-правовую норму или обычай в одностороннем порядке, «на потребу» конъюнктуры либо истолковать ее вопреки изначально закладывавшемуся содержанию. Отсюда — неприятие Бразилией бомбежек США и странами НАТО Югославии в 1999 г., интервенции в Ираке, силовой политики в отношении Ирана, вмешательства в дела Ливии и Сирии. Бразилия традиционно отвергала антикубинский курс США, что не мешало ей, впрочем, критически воспринимать нарушение прав человека на Кубе, и выступала за международное признание Палестинского государства (признав его в одностороннем порядке в 2010 г.).

На семинаре по BRICS, который проходил осенью 2011 г. в Санкт-Петербурге, бразильский юрист-международник Пауло Борба Казелла с большим уважением отзывался об известном российском правовед-е Федоре Федоровиче Мартенсе (1845—1909 гг.) как об «одном из наиболее известных и последовательных интернационалистов, который выступал против подчинения права диктату силы и соображениям политической целесообразности». По мнению бразильца, «Поправка Мартенса» о «наименьшем ущербе», внесенная им в 1889 г. («государства обязаны даже в случае вооруженных конфликтов заботиться о безопасности и сохранении жизни гражданского населения, избегать причинения неоправданного вреда и оберегать историческое и культурное наследие народов»), «должна стать императивом наших дней»¹¹. Эта «поправка» российского правовед-а по смыслу совпадает со словами Боливара: «Наименьшее зло является наивысшим благом». Неслучаен интерес, который проявляется в Бразилии к России как к партнеру по BRICS и стране, с которой, согласно всем подписанным за последние годы документам, «наблюдается близость или совпадение подходов по наиболее актуальным проблемам современности». Констатация этого факта, довольно редкого самого по себе, свидетельствует о существовании некоей долговременной *цивилизационно-культурной* основы для сотрудничества между нашими странами, которая обнаруживается также в понимании ими основных принципов и норм международного права.

Сегодня, когда некоторые ученые на Западе задумались о внесении корректив в концепцию «ответственности за защиту»* («*Responsibility in protecting*»), принятую НАТО в 90-е годы, чтобы заменить ею печально известную «гуманитарную интервенцию», они почему-то предпочитают вспоминать неопределенный по содержанию принцип *debito modo* («должный образ действия») из средневекового европейского канонического права, нежели «поправку Мартенса»**. Может быть, это следствие нашей собственной, российской избирательной «забывчивости», а может быть и того, что упоминание об особом вкладе России в развитие МП не «укладывается» в принятую на Западе «политкорректную» картину, которая рисует Россию почти исключительно в черных красках.

о. Жозе де Аншиета

Говоря об «особенной» России, Федор Иванович Тютчев наверняка имел в виду и «особое» отношение россиян к такому феномену, как право. Более предметно об этом в начале XX в. высказался ныне всеми уже забытый поэт-юморист Борис Николаевич Алмазов:

Широки натуры русские:
Нашей правды идеал
Не влезает в формы узкие
Юридических начал.

Следует откровенно признать, что так называемый правовой нигилизм в России — это явление, к сожалению, не только сегодняшних дней, но и закоренелое, так сказать, на «геномном уровне». Отсюда проистекают и многие наши внутренние проблемы, которые так «роднят» нас с латиноамериканскими странами. Это не мешает, однако, и России и латиноамериканским государствам последовательно отстаивать идею *верховенства международного права*.

Недоверие к России со стороны ряда западных стран, основанное на «историческом опыте», разумеется, имеет под собой кое-какие основания. Но, во-первых, все познается в сравнении. Колониальная политика демократических Англии, Франции, да и тех же США в XIX—XX вв. была ни-

* «В нескольких случаях силы НАТО превышали полномочия, данные им Советом Безопасности ООН. Следствием воздушных налетов становилось разрушение гражданских объектов и гибель мирных жителей, что впоследствии болезненно сказалось на отношении к операции со стороны общества, особенно в арабских странах», — так комментировал операцию НАТО в Ливии европейский эксперт Антон Беблер («Современная Европа», 2012, № 4, с. 75).

** Выступление Ответственного секретаря по евроатлантическим связям правительства Италии Джулио Де Робертиса на международной конференции «БРИКС в системе международных отношений: новый этап глобального партнерства» (Санкт-Петербург, 19 октября 2012 г.).

Федор Федорович Мартенс

чем не лучше. А, во-вторых, задумаемся: могла ли политика великой европейской державы в век «классического империализма» быть *неимпериалистической*? Может быть, и могла бы. Но тогда Россию — огромную многонациональную и мультиконфессиональную страну с колоссальными природными богатствами — ждала бы участь терзаемых Западом когда-то могучих империй Востока: Китая, Персии, Индии, Османской империи. Тогда человечество наверняка лишилось бы того вклада, какой Россия внесла в развитие мировой науки и культуры в XIX и XX вв.

Это относится также и к вопросам права и национального правосознания. В годы кризиса, поразившего Запад, актуально звучат слова русского философа и юриста Павла Ивановича Новгородцева (1866—1924) о том, что «мир переживает величайший кризис правосознания», самое главное в котором — это «кризис неверия, кризис культуры, оторвавшейся от религии, кризис го-

сударства, отринувшего связь с церковью, кризис закона человеческого, оторвавшегося от родства с законом Божеским»¹². Статья Новгородцева «Демократия на распутье», изданная в Берлине в 1923 г., удивительно точно отражает современное «межеумочное» состояние России. «Наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, и демократия осуществится сама собой. На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизнь, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, причем в случае наступления анархии ближайшим этапом политического развития бывают самые сильные суровые формы демагогического деспотизма». Нужна, писал русский юрист, «какая-то высшая духовная сила, которая могла бы спасти демократию от переживаемого ею кризиса, и вместе с тем такой силы она не находит», поскольку «абсолютный рационализм имеет столь же мало шансов стать новой религией, как и позитивизм»¹³.

Русские философы: князь Евгений Николаевич Трубецкой, Николай Александрович Бердяев, Владимир Сергеевич Соловьев, Иван Александрович Ильин, П.И. Новгородцев и юристы — Борис Николаевич Чичерин, Георгий Константинович Гинс, Лев Иосифович Петражицкий, Ф.Ф.Мартенс — это лишь некоторые из тех, кто пытался нащупать *универсальные связи между всеми представителями рода человеческого, а не только вы-*

строить однонаправленный «спасительный» мостик к цивилизации Запада. Трудно не признать того обстоятельства, что «право» само по себе, в отсутствие некой «высокой» идеи мало что значит для русского человека. Чтобы быть действенным регулятором общественных отношений оно должно «служить» чему-то, помимо чисто эгоистических интересов отдельных индивидуумов, их ассоциаций и пр. «Зазор», существующий между правовым нигилизмом внутри страны и уважением к международному праву вне ее, нам необходимо уменьшить «в разы», но не путем ужесточения санкций, а путем наполнения системы внутреннего права новым содержанием.

«Здоровая психика нации не может быть основана на исключении прошлой истории из сферы собственного опыта новых поколений. Стремление отбросить прошлое жестоко мстит за себя, порождая невротизм и психологическую неустойчивость. Освобождение от чувства неполноценности, основанного на комплексе вины, должно произойти не за счет забвения прошлого, а путем его критической переработки, сохраняющей нормальную способность к переживанию трагических моментов истории»¹⁴. К сожалению, приходится констатировать, что эти слова, сказанные еще в начале 90-х, так и не получили пока реального воплощения на практике. Может быть потому, что бурные события XX в., целенаправленное «выкорчевывание» нами наиболее интеллигентных, здравомыслящих и работоспособных людей из сферы общественной деятельности, а то и из самой жизни, негативно повлияло на состояние нашего генофонда, усугубив такую негативную черту национального архетипа, как консерватизм мышления?

Многие наши либералы, призывающие буквально во всем копировать опыт США, почему-то «опускают» такие важные факторы исторического становления и развития американского общества, как его *патриотизм и веру в свою страну и ее миссию в мире*. По-видимому, для России они считают это излишним. Мы же полагаем, что уверовавшая, наконец, в себя Россия уверует и в свое глобальное предназначение, *не сводящееся* лишь к обеспечению исключительно эгоистических интересов личности в их западном понимании. *Российский* прагматизм и патриотизм, как нечто, соответствующее интересам *национального* (а не заимствованного!) развития, заключается в сочетании национального и интернационального. Он — в синтезе национального дискурса и «всемирной отзывчивости» («всемирном счастье»), которые, по Федору Михайловичу Достоевскому, так нужны русскому человеку, чтобы «успокоиться»¹⁵. В этом смысле активное участие России в BRICS с целью содействия радикальной перестройке мировых экономических, политических и правовых отношений, укрепления *морально-нравственных устоев* межчеловеческого и межкультурного общения представляется крайне актуальным не только с точки зрения укрепления ее международных позиций, но и для *преодоления многочисленных внутренних проблем*.

Императивы глобального взаимодействия диктуют необходимость нахождения новых, *межкультурных* подходов к пониманию актуальных проблем современности с целью нахождения *новых, более адекватных средств* противодействия им. Иначе, в условиях расширения пропасти между словом и делом, мир ждут катастрофы куда более серьезные, чем нынешний кризис. Для выработки таких подходов потребуются сотрудничество

во уже не столько «старых» и «новых» великих держав, сколько их взаимодействие как *полюсов межкультурного общения, выражающих интересы и ценности того цивилизационного ареала, неформальными центрами которого они являются, либо стремятся стать*¹⁶.

Новые полюса на сегодняшний день, в основном, представлены форматом BRICS. Они на 80 или даже 90% совпадают с теми центрами глобальных цивилизаций — культур, которые были выделены в трудах С.Хантингтона, а еще раньше — Карла Ясперса, Арнольда Тойнби, Фернана Броделя. Не исключено, что скоро к этим государствам могут прибавиться и другие. Межкультурное общение — *это не фантазия, а реальность современного мира*, в котором помимо государств и наряду с ними в разнообразные контакты самого разного уровня каждый день и каждый час вступают экономические и финансовые институты, религиозные, предпринимательские, общественные объединения и т.д., и, наконец, отдельные люди — *как представители своих цивилизаций и культур*.

На основе контактов *гражданских обществ*, представляющих различные цивилизации Земли, сегодня формируется *глобальное гражданское общество*. Сам режим бесчисленных международных транзакций, когда предпринимательская этика одной стороны накладывается на предпринимательскую этику другой, свидетельствует о начале нового этапа международных отношений, когда их сердцевиной становятся не столько *межгосударственные*, сколько *межкультурные* контакты. «Настоящее решение требует создания *более широкой коалиции* с привлечением частного сектора, негосударственных групп, больших городов и целых областей, а также средств массовой информации. В глобализованном, демократизованном и децентрализованном мире необходимо достучаться до отдельной личности, чтобы она изменила привычное поведение». При этом «в условиях, когда власть диверсифицируется и рассеивается, еще большую значимость приобретает законность, потому что она является единственным способом обращаться ко всем неравноправным действующим лицам на мировой сцене»¹⁷. Очевидно, что залогом глобальной законности XXI в. должна стать такая система, где *политико-правовое сотрудничество государств и народов будет в первую очередь опираться на цивилизационно-культурное*. Но рассчитывать на то, что эта новая законность возникнет «сама собой», и на ее пути нет и не предвидится трудностей, значит ставить себя на место сторонников утопии о «конце Истории».

Уповать на «автоматизм» в истории — дело заведомо проигрышное. Однако уже сейчас применение силы в мировой экономике и политике все больше становится *контрпродуктивным* (особенно военной, учитывая невозможность применения оружия массового поражения) и негативные для их инициаторов итоги «войн низкой интенсивности»). На это обстоятельство указывал, в частности, и такой известный исследователь феномена «силы» в политике, как Дж. Най. Не дает искомого «эффекта» и излюбленное оружие США — экономические санкции против «неудобных» режимов: достаточно вспомнить Кубу, КНДР и Иран. Но ведь именно *жесткая сила*, как уже отмечалось многими, была той самой «пружиной», которая «выбросила» Запад наверх в глобальной межкультурной гонке в XVI в. и с тех пор помогала сменяющим друг друга разным его представителям удерживать власть над миром. Сегодня эта ситуация начинает коренным образом меняться. Отсюда можно пред-

положить, что цивилизация «коллективного Запада» уже выполнила *отвращающую ей в Истории человечества роль*. Ее «потенциал восхождения», как отмечали Владимир Михайлович Давыдов и Александр Вячеславович Бобровников в монографии «Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике», в основном, оказался уже исчерпан¹⁸. Очевидно, что теперь «Ветер Истории» (удачное выражение Шарля де Голля) подул в другую сторону, доказывая нам на целом ряде примеров *востребованность новых философий и основанных на них новых практик борьбы с глобальными угрозами*. Сегодня инновации нужны не только (и даже не столько!) в сфере материального производства, сколько *в духовной сфере жизни людей и в вопросах глобального мироустройства*.

При всех различиях в уровнях экономического развития, религиях, культурах, истории и политическом устройстве Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР, их, эти различия, следовало бы воспринимать *не в негативном, а в позитивном ключе*. А естественную тягу этих стран к сотрудничеству в рамках BRICS считать *закономерным отражением некоей ранее сформировавшейся универсальной востребованности*. Суммируя результаты некоторых уже проведенных исследований на тему BRICS, специалисты ИЛА РАН определились с принципиальным подходом к этому новому явлению в мировой экономике и политике. Они считают его *ключевым трендом, отражающим содержание переходности нового этапа в направлении формирования многополярного мироустройства, которое будет происходить примерно до середины текущего столетия*.

Что касается непосредственно Бразилии и России, то конструктивное и «трепетное» отношение к международному праву первой и «глобализм» второй способны, на наш взгляд, преодолеть инертность и ограниченность глобальной политики, основанной на евроцентризме, добавив ей искомого позитива.

Бразилия предстает в качестве преференциального и естественного партнера России в Южной Америке. «Восходящая» держава-гигант и неформальный лидер южноамериканского региона, эта страна имеет целый ряд общих «профилей» с нашей страной, которые позволяют нам быть партнерами и даже союзниками на международной арене. Наше партнерство сегодня развивается в ООН, BRICS и «Г-20» (в ближайшее время начнется и в ВТО). Однако оно *нуждается в выводе на уровень, сопоставимый с российско-китайским или российско-индийским партнерством*, с целью придания ему подлинно «стратегических» характеристик. Уверенное восхождение Бразилии в мировой «табели о рангах» на основе «мягкой силы», уже принесшее ей ряд значимых политических дивидендов, предполагает, что миролюбивые традиции, заложенные в основу ее внешней политики и дипломатии, окажут благотворное воздействие на процессы глобального регулирования. «Отставание» же России от других стран в налаживании связей с Бразилией грозит ей тем, что она может остаться в ряду тех, кто неуклонно теряет свои позиции.

Главная общность интересов России и Бразилии заключается в поиске ими соответствующей их возрастающему весу и значению новой ниши в глобальных политических и мирохозяйственных связях и в блокировании любых попыток силового противодействия этому. Данный императив предполагает **перевод**

российско-бразильских отношений с уровня спорадических контактов и формально зафиксированного «стратегического партнерства» и «технологического альянса» на уровень реального долгосрочного и систематизированного стратегического сотрудничества. Разумеется, нашей стране при этом необходимо более тщательно оценить как «плюсы», так и возможные «минусы» такого сотрудничества с учетом всех глобальных «восходящих» и «нисходящих» трендов.

Наибольшая степень совпадения интересов Бразилии и России в BRICS наблюдается в сфере борьбы с такими проблемами, как *бедность, неконтролируемая миграция, терроризм, контрабанда наркотиков и оружия, пиратство*. Бразилия последовательно отвергает исключительно силовой подход к их решению, настаивая на необходимости комплексного подхода, сочетающего как мирные, так и силовые средства и основанного на более глубоком видении корней, специфики и современного состояния этих проблем в их взаимосвязи.

Можно отметить высокий уровень взаимопонимания, достигнутый между Бразилией и всеми остальными участниками группы BRICS, включая Россию, по всей проблематике решения *региональных конфликтов и проблемы нераспространения оружия массового поражения*. Бразилия традиционно отвергает попытки решения этих проблем с позиции силы, политику несанкционированного Совбезом ООН вмешательства во внутренние дела суверенных стран, практику так называемых гуманитарных интервенций и деления государств по принципу «свой — чужой». Отсюда — вполне естественно предвидеть возможность успешных действий Бразилии и России в сфере *кодификации и прогрессивного развития международного права* для устранения образовавшихся там многочисленных лакун и коллизий, а также для разработки и внедрения назревших новаций (определение терроризма, детализация норм о борьбе с пиратством, уточнение статуса комбатантов и некомбатантов во внутригосударственных конфликтах и пр.)

Сегодня представляется необходимым с большим пониманием отнестись к позиции Бразилии в отношении реформирования ООН, а также к проблеме сокращения выбросов CO₂ в атмосферу Земли, к правозащитной тематике, активно поднимаемой правительством Дилмы Руссефф, а также к вопросам торгово-экономического, научно-технического и инвестиционного сотрудничества с Бразилией. Особый разговор — о сотрудничестве в сфере безопасности, остро обозначившемся в связи с *усилением глобальной борьбы за перераспределение природных ресурсов планеты*.

Начиная с 1996 г. в документах по национальной безопасности Бразилии «красной нитью» проходит мысль о необходимости защиты Амазонии от возможных посягательств со стороны «иррегулярных» вооруженных формирований из соседних стран, «транснациональных структур», приверженцев идеи «общечеловеческого достояния», а также государств, «обладающих превосходящей военной мощью». С 2005 г. к «Зеленой» Амазонии добавилась «Голубая» — районы добычи нефти в Южной Атлантике. Для ее защиты в будущем, согласно «Стратегии национальной безопасности Бразилии» 2008 г., предполагается строительство атомных подводных лодок (по мнению бразильских военных, для защиты 8 тыс. км атлантического побережья их понадобится от 8 до 10 штук), новых эсминцев и фрегатов, формирование авианосных соединений. Наряду с этим предусмотрено соз-

дание нового транспортного самолета, истребителя «пятого поколения», современных систем связи и обнаружения. Предусматривается также радикальное обновление средств противовоздушной обороны, вооружений и тактики сухопутных войск, создание спецназа для ведения войны в сельве и т.д. Согласно социологическому опросу, проведенному бразильским Институтом прикладных экономических исследований, 67% бразильцев верят, что их страна может подвергнуться вооруженной агрессии в связи с борьбой за обладание ресурсами Амазонии, а 63% считают, что агрессия может быть связана с попытками передела ресурсов «Голубой Амазонии»¹⁹.

На этом направлении сотрудничества, равно как и в плане освоения космоса и создания спутниковых систем, для Бразилии и России, которые сегодня одинаково озабочены степенью освоенности и плотностью населения (от 1 до 3,5 человек на км²) на наиболее богатых ресурсами территориях, открываются весьма благоприятные перспективы.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Концепция внешней политики Российской Федерации. Москва, 28 июня 2000 г. — Системная история международных отношений в четырех томах 1918—2003. Документы. М., 2004, с. 538—539.

² Концепция внешней политики Российской Федерации 12 июля 2008 г. — <http://kremlin.ru/text/docs/2008/07204108.shtml>

³ Там же.

⁴ K. W a l t z. The Emerging Structure of International Politics — International Security. 1993, Vol. 18, N 2, p. 321.

⁵ Р. К е й г а н. Парадигма 12 сентября. — Россия в глобальной политике, 2008, № 6, с. 120.

⁶ The World in 2007. — The Economist. — <http://www.economist.com/theworldin/2007>

⁷ Международное право в современном мире, М., 1991, с. 297.

⁸ Дипломатия Второй мировой войны глазами американского посла в СССР Джорджа Кеннана. М., 2002, с. 381.

⁹ M. M a r i n o v i c. El rol presencial de defensa ante los desafios de desarrollo. — Seguridad Estratégica Regional. Buenos Aires, 1995, N 7, p. 59.

¹⁰ Актуальный Боливар. Сборник высказываний о властных структурах. М., 1996, с. 23.

¹¹ Правовые аспекты БРИКС. Сборник докладов и выступлений на научном семинаре 8-9 сентября 2011 г. Санкт-Петербург, 2011, с. 26.

¹² П. И. Н о в г о р о д ц е в. Об общественном идеале. М., 1991, с. 547, 557—558.

¹³ Там же, с. 577.

¹⁴ А. Г. З д р а в о м ы с л о в. Социология конфликта. М., 1995, с. 144.

¹⁵ Ф. М. Д о с т о е в с к и й. Искания и размышления. М., 1983, с. 75.

¹⁶ Подробнее см.: Б. Ф. М а р т ы н о в. «Многополярный» или «многоцивилизационный мир?» — Международные процессы, 2009, № 3, с. 60—67.

¹⁷ Ф. З а к а р и а. Постамериканский мир будущего. М., 2009, с. 60—61.

¹⁸ В. М. Д а в ы д о в, А. В. Б о б р о в н и к о в. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении) М., 2009.

¹⁹ R. Z I b e c h i. Brasil potencia. Bogotá, 2012, p. 123.